

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности · 7
Предисловие · 9
Глава 1. Зачем гадить там, где ешь? · 11
Глава 2. Дилемма колдуна · 21
Глава 3. Манипуляция путем описания · 41
Глава 4. Цензура как следствие массового производства · 56
Глава 5. По следам месье Панглосса и доктора Баудлера · 67
Глава 6. Дымовая завеса жаргона · 79
Глава 7. Применения абсурда · 123
Глава 8. Уклонение под предлогом объективности · 131
Глава 9. Укрывательство за методологией · 151
Глава 10. Квантификация как прикрытие · 172
Глава 11. Неразборчивый криптоконсерватизм · 202
Глава 12. Идеология под терминологией · 217
Глава 13. Технототемизм и ползучий криптототалитаризм · 244
Глава 14. Закон о легковесности, всплывающей наверх · 263
Глава 15. Объединенный закон Грешема и Паркинсона · 279

Глава 16. Башни из слоновой кости
и бюрократические конвейеры · 303

Глава 17. Атака варваров на коррумпированные
цитадели науки · 315

Глава 18. Заключение: этика
и прогресс знаний · 324

Благодарности

Достоинствами данной книги, как и предыдущих моих работ, я в значительной мере обязан своей жене, чьи готовящиеся к публикации книги о конфликте полов и отношениях матери и ребенка содержат критику актуальной литературы по этому вопросу, которая приводит примерно к тем же выводам, к каким я прихожу в этой книге.

Я благодарен миссис Одри Йетс за работу над гранками, а моим прошлым и настоящим коллегам любого ранга на социологическом факультете Редингского университета — за благожелательность, инициативность и ненавязчивое сотрудничество, позволившие мне остаться мыслителем и писателем, хотя я и исполнял определенную административную функцию.

Итак, существуют четыре главных препятствия для постижения истины, которые препятствуют всякому любителю мудрости и редко позволяют кому-либо обрести славное имя истинного мудреца. Эти [препятствия суть]: 1) пример ненадежного и недостойного авторитета; 2) устойчивость обычая; 3) мнение необразованной толпы; 4) сокрытие собственного невежества под видимостью мудрости.

Роджер Бэкон

Предисловие

ЧТОБЫ предупредить все возможные недоразумения, я должен с самого начала специально подчеркнуть, что не обвиняю и даже не подозреваю тех, кого упоминаю в этой книге по имени, в целенаправленном трюкачестве, осознанном распространении ложных сведений, желании получить нечестную прибыль или же добиться карьерного роста путем коррупции. Знаменитому автору понадобился бы совершенно исключительный характер (и, собственно, ему пришлось бы стать сверхчеловеком), чтобы писать много работ с полным сознанием того, что это просто галиматья, а сам он — шарлатан с незаслуженной славой, основанной лишь на глупости и легковерии его обожателей. Даже если на определенном этапе карьеры у него были какие-то сомнения в правильности своего подхода, успех и похвалы вскоре должны были убедить его в его гениальности и эпохальной ценности его измышлений. Когда же вследствие назначения на руководящую должность, позволяющую распределять финансы и рабочие места, он оказывается окружен прихлебателями, жаждущими его расположения, он чаще всего теряет способность осознавать свою мотивацию; подобно богатым и могущественным людям в других сферах жизни, он примет лесть за чистую монету, считая ее искренней оценкой (а потому и подтверждением его успехов).

Циничные шарлатаны встречаются не столько среди известных авторов, сколько среди манипуляторов, ко-

торые либо совсем ничего не пишут, либо пишут мало, а потому они не привязаны к какой-то определенной идее или подходу и им не важно, какой именно инструмент использовать, чтобы дойти организации, распределяющие финансы. Хотя я знаком с парой таких типов, ни один из них не упоминается в книге по имени, поскольку такое упоминание не только предполагало бы бездоказательное приписывание мотива, но и не имело бы в данном случае смысла, ведь моя задача — борьба с ложными идеями, а не составление списка нечистоплотных академических ученых. Но даже людям такого рода сложно придерживаться откровенного цинизма, и обычно в итоге они убеждают себя в ценности того, что делают, поскольку никто не хочет признаться себе в том, что зарабатывает на жизнь недостойными методами. В любом случае наиболее опасные распространители культурных инфекций — это не наглые циники, а сектанты, склонные к самообману, а также робкие функционеры, боящиеся отстать от уходящего поезда, которые спешат приравнять популярность и мирской успех к внутренней ценности.

Поскольку в данной книге я разбираю явления, которые с точки зрения интеллектуального прогресса следует считать нежелательными, ссылки на цитируемые работы обычно носят неодобрительный характер. Но это не означает, будто я считаю, что в них не было ничего ценного. Нельзя, однако, писать обо всем сразу, и эта книга представляет собой скорее памфлет, чем трактат. Многие значимые научные достижения упомянуты в моих предыдущих публикациях, а еще больше — в других книгах, которые я собираюсь написать, особенно если проживу достаточно долго, чтобы создать общий трактат. В этой работе я утверждаю, что значительная часть того, что может сойти за научное исследование человеческого поведения, сводится к своего рода колдовству, но, к счастью, не все им ограничивается.

Зачем гадить там, где ешь?

В КОЛИЧЕСТВЕННОМ отношении социальные науки переживают сегодня невиданное развитие: повсюду гремят конгрессы и конференции, печатные публикации растут как на дрожжах, а число профессионалов увеличивается с такой скоростью, что, если этот рост не остановить, в ближайшие столетия это число будет больше всего населения Земли. Большинство специалистов отзываются об этом росте с воодушевлением, пополняя этот общий поток восторженными обзорами «современного» профессионализма и с готовностью награждая титулом «революции» любые ничтожные шаги вперед... или даже назад, а порой утверждая даже, что они наконец перешли границу, отделяющую их сферу деятельности от точных наук.

Особенно неприятно не только то, что этот поток публикаций на самом деле показывает изобилие претенциозной ерунды, в сочетании с нехваткой действительно новых идей, но и то, что даже старые, но по-настоящему ценные идеи, унаследованные нами от наших знаменитых предшественников, тонут сегодня в потоке бессмысленной болтовни и бесполезных технических тонкостей. Претенциозная, но туманная многословность, бесконечные повторения банальностей и замаскированная пропаганда — вот что сегодня определяет повестку дня, а по меньшей мере 95% исследований являются

на самом деле переисследованиями вещей, обнаруженных давно и неоднократно. В сравнении с ситуацией полувековой давности среднее качество публикаций (не считая тех, в которых рассматриваются методы, а не содержание) в ряде областей в действительности упало.

Столь громкий и общий приговор, естественно, требует доказательств, и большая часть этой книги нацелена именно на то, чтобы их предоставить. Но, возможно, интереснее даже не обосновать его, а объяснить, и это вторая задача, поставленная перед этой книгой, а третья — предположить, как это печальное положение вещей можно если не исправить, то по крайней мере облегчить. Я, в частности, попытаюсь показать, что этот крен в сторону бесплодности и обмана в исследовании реалий человеческой жизни возникает из доминирующих культурных, политических и экономических тенденций нашего времени; а потому данную работу можно отнести к общей, но несколько смутной рубрике «социологии знания», хотя ее содержание точнее описывалось бы выражением «социология незнания».

Поскольку такое начинание неизбежно ведет к вопросу о корыстных интересах и предполагает разоблачение недостойных мотивов, я спешу сообщить, что, как мне прекрасно известно, в логическом отношении *argumentum ad hominem* действительно ничего не доказывает. Тем не менее в тех вопросах, в которых царит неопределенность, а те или иные сведения признаются истинными на веру, у нас есть полное право попытаться сформировать в читателях позицию более критическую и настороженную, показав, что в исследовании человеческих дел уклончивость и обман, как правило, выгоднее правды.

Если повторить сказанное в предисловии, я не думаю, что *argumentum ad hominem*, указывающий на на-

личие корыстных интересов, приложим к мотивам изобретателей мимолетных мод, которые гораздо чаще бывают доктринарами или визионерами, настолько плотно закутанными в кокон собственного воображения, что они просто не могут видеть мир, как он есть. В конце концов, в каждом обществе со всеобщей грамотностью есть люди, пишущие всевозможную чушь. Многие разновидности такой чуши никогда не доходят до печати, а те, что все же преодолевают это препятствие, часто так и остаются непрочитанными, никому не известными или же быстро забываются, другие же, однако, раскручиваются и превозносятся, становясь предметом поклонения. Именно на уровне социального отбора, управляющего распространением идей, вопрос о том, как они служат различным корыстным интересам, становится более осмысленным.

Общая проблема отношения между идеями и интересами — одна из наиболее сложных и фундаментальных. Маркс обосновал весь свой политический анализ предположением о том, что общественные классы придерживаются идеологий, служащих их интересам, но этой теории противоречило, видимо, то, что ни один верующий не признает, что он выбрал свою веру, потому что она полезна ему в борьбе за богатство и власть. Тогда как фрейдовское понятие бессознательного предполагает то, что можно назвать «бессознательной хитростью» — в той форме, которая особенно хорошо применима к политике; та же идея была разработана Альфредом Адлером. Если подобные психические механизмы способны создавать бессознательные уловки и стратегии в индивидуальном поведении, нет причин, по которым они не могли бы действовать на уровне масс. Но какими именно данными мы можем подкрепить обвинения подобного рода? Еще больше эта проблема

осложняется убедительной мыслью Парето о том, что правящие классы часто разделяют доктрины, которые ведут их к коллективному упадку и уничтожению. Благодаря механизмам отбора (на которые обратил особое внимание Спенсер), отсеивающим «неприспособленные» схемы организации, обычно выживают лишь те социальные агрегаты, которые возвращают убеждения, укрепляющие их собственную структуру и поддерживающие их способ существования. Однако, поскольку распад и разрушение коллективов самого разного рода и размера — факт столь же очевидный, что и их сохранение в течение длительного времени, позиция Парето (или, если угодно, модель) столь же применима, как и Марксова. Удовлетворительная теория должна объединять в себе все эти обоснованные, но неполные взгляды и в то же время преодолевать их, но в этой книге я не пытаюсь достичь такой теории. В ней я не могу пойти дальше обвинений, опирающихся на косвенные доказательства согласованности между системами идей и коллективными интересами, которые убедительны (или, наоборот, уязвимы для критики) в той же примерно степени, что и обычные марксистские утверждения о связях между содержанием идеологии и классовыми интересами. Главный интеллектуальный недостаток марксистов состоит в этом отношении в том, что, во-первых, они необоснованно ограничивают применимость своего основного понятия только теми группами людей (то есть общественными классами), которые выделил сам Маркс; и во-вторых, что вполне естественно, не собираются применять эту схему интерпретации к самим себе и своим убеждениям.

Каждое ремесло и каждая профессия — не важно, насколько нечистоплотная или даже попросту преступная — придерживаются принципа «ворон воро-

ну глаз не выключает». Древние и закрытые профессии — такие, как право и медицина — превозносят это правило настолько, что оно приобретает в них облик фундаментального положения этики. Учителя также подвергают ostracism тех, кто открыто критикует коллег и подрывает их авторитет в глазах учеников.

Как и у всех остальных человеческих установлений, у этого обычая есть как хорошие, так и дурные стороны. Если бы не такой обычай, было бы сложно поддерживать дружественные отношения, необходимые для плодотворного сотрудничества, — например, в цеху, в операционной или же в совете директоров. Если люди будут постоянно подначивать друг друга и пускаться во взаимные обвинения, их жизнь превратится в сплошные страдания, а их труды будут обречены на провал. Поскольку спокойствие пациента и его шансы на выздоровление в значительной степени зависят от его веры во врача, которая, в свою очередь, зависит как от личной репутации последнего, так и от статуса врачебной профессии в целом, эффективность лечения значительно пострадала бы в том случае, если бы медицинские работники взяли себе в привычку постоянно друг друга поносить. Подобным образом и учителя, подрывающие авторитет других учителей в глазах учеников, в конечном счете вообще никого учить не смогут, особенно учитывая, что подростки обычно склонны к неподчинению и лишь немногие из них сами хотят учиться.

С другой стороны, трудно сомневаться в том, что сила принципа «ворон ворону глаз не выключает» обосновывается не альтруистической заботой о плодотворности труда — разве что в той мере, в какой она упрощает жизнь, — а поиском коллективной выгоды, которая может заключаться как в деньгах, так и в почете. Врачебная профессия, строго-настрого следя-

щая за собственной профессиональной солидарностью, не только добилась благосостояния, которое во многих странах совершенно не соответствует ее уровню навыков, — не говоря уже о весьма выгодной защищенности от наказания за некомпетентность и халатность, — но также смогла обеспечить своих представителей весомым психологическим преимуществом, заключающимся в возможности изображать Господа Бога, невзирая на множество пробелов в знаниях и промахи в понимании. Конечно, представители врачебной профессии пользуются особенно выгодным положением, поскольку имеют дело с людьми, когда те наиболее слабы, то есть когда они испуганы и нуждаются в утешении, оказавшись в положении пациентов, — причем само слово «пациент» («терпящий») очень хорошо объясняет, почему во многих государственных больницах (по крайней мере в Британии) центральный вход предназначен для медицинского персонала, в то время как больные должны пробираться в здание через заднюю дверь. Юристы также смогли повысить престиж своей профессии и увеличить доход, составляя свои документы на необоснованно громоздком и витиеватом языке, чтобы простой смертный ничего не понял и вынужден был обратиться за дорогостоящей юридической консультацией.

Среди поставщиков услуг, непосредственно полезных потребителям, обычай воздерживаться от взаимной критики всего лишь защищает от ответственности за халатность и в то же время служит опорой для монополистических прибылей; но когда его придерживается профессия, которая оправдывает свое существование тем, что она посвятила себя поискам общих истин, соблюдение принципа «ворон ворону глаз не выклюет» обычно сводится к паразитическому и мошенническому сговору.

Бизнесменам, не стесняющимся признать то, что их основная цель — это получение прибыли, и чья профессиональная этика состоит из очень небольшого числа моральных запретов, к мистификации приходится прибегать гораздо реже, чем тем, кто зарабатывает на хлеб профессией, нацеленной на отстаивание высоких идеалов; и чем выше эти идеалы, тем сложнее соответствовать им и тем сильнее искушение лицемерия (а также область его применения). Честность — лучший выбор для поставщика в тех случаях, когда клиент знает, чего он хочет, и может судить о качестве полученного товара, за который он платит из собственного кармана. Большинство людей способны судить о качестве башмаков или ножниц, а потому никто не сделал себе состояния на производстве башмаков, которые бы тут же разваливались, или же ножниц, не способных резать. С другой стороны, в строительстве дефекты построенного дома или материалов могут оставаться скрытыми намного дольше, а потом халтура в этой отрасли часто действительно прибыльна. Достоинства же лечения, если взять другой пример, оценить непросто, и именно по этой причине медицинская практика столетиями была связана с шарлатанством, от которого она не освободилась в полной мере и сегодня. Тем не менее как бы сложно ни было оценить услуги врача или юриста, они определенно удовлетворяют вполне конкретным нуждам. Но какие именно услуги оказывает философ или исследователь общества и кому именно? Кому вообще важно, стоят они чего-то или нет? И могут ли те, кому это и правда важно, оценить их качество? А если и могут, они ли определяют вознаграждение за услуги и они ли несут издержки?

Сомнения в ценности их услуг редко возникают у тех, кто их предоставляет; а если такие сомне-

ния и появляются, их поспешно устраняют ссылками на профессиональные стандарты, которые могут якобы гарантировать добросовестность и прогресс. Но если взглянуть на этот вопрос реалистически, нет особых причин считать, что все профессии по своей природе тяготеют к честному служению, а не к монополистической эксплуатации или же паразитизму. В реальности все зависит от того, какое именно поведение ведет к богатству и высокому статусу (или, говоря иначе, от связи между истинной заслугой и вознаграждением). Анализ различных форм труда с этой точки зрения может стать программой, полезной для социологии профессий и способной поднять ее над ее нынешним уровнем сухой каталогизации. Социальные науки, если смотреть на них с этой точки зрения, представляются деятельностью, лишенной каких-либо внутренних механизмов воздаяния, а потому любому в них может сойти с рук что угодно.

Критика господствующих тенденций и людей, стоящих наверху, может оказаться выгодной, если она осуществляется при поддержке влиятельной группы давления — скажем, пятой колонны, финансируемой из-за рубежа. Однако, к сожалению, контуры истины никогда не совпадают с границами между партиями и кликами. Поэтому свободный мыслитель может считать, что ему повезло, если он живет в ситуации, в которой им разве что пренебрегают, но не бросают в тюрьму и не называют «свиньей, которая гадит там же, где ест», если воспользоваться ярким эпитетом, которым глава КГБ Владимир Семичастный наградил Бориса Пастернака¹.

1. 29 октября 1958 г. в докладе на торжественном заседании, посвященном сорокалетию комсомольской организации, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Владимир Семичастный сказал: «Иногда мы — кстати, совершенно незаслу-

В полезности увещеваний можно серьезно усомниться, поскольку, несмотря на столетия порицания воровства и мошенничества, сегодня эти преступления, судя по всему, не менее распространены, чем во времена Иисуса Христа. С другой стороны, трудно понять, как вообще какие-либо стандарты могут сохраниться, если некоторые люди не возьмут на себя обязательство утверждать эти стандарты и обличать порок.

Поскольку можно потратить всю жизнь и написать целую энциклопедию, пытаясь изобличить все глупые предрассудки, которые выдаются за научное исследование человеческого поведения, я ограничился несколькими значимыми примерами. Так или иначе, разрушить идолы псевдонауки — задача относительно простая, в то время как гораздо интереснее и важнее — объяснить, почему они получили столь широкое распространение, заметное и сегодня.

Я не думаю, что мой трубный глас сокрушит стены псевдонауки, на которых стоит слишком много крепких защитников — рабов рутины, которые (пользуясь выражением Бертрана Рассела) «скорее умрут, чем начнут думать», продажных дельцов, покорных работников образовательной сферы, которые судят об идее по статусу ее сторонников, а также

женно — говорим о свинье, что она такая-сякая и прочее. Я должен вам сказать, что это наветы на свинью. Свинья — все люди, которые имеют дело с этими животными, знают особенности свиньи — она никогда не гадит там, где кушает, никогда не гадит там, где спит. Поэтому если сравнить Пастернака со свиньей, то свинья не делает того, что он сделал. А Пастернак — этот человек себя причисляет к лучшим представителям общества — он это сделал. Он нагадил там, где ел, он нагадил тем, чьими трудами он живет и дышит». Председателем КГБ Семичастный был в 1961–1967 гг. — *Прим. ред.*

мягкошерстных потерянных душ, которые жаждут найти гуру. Тем не менее, несмотря на ту развитую стадию оболванивания, которой наша цивилизация достигла под влиянием массмедиа, все еще находятся люди, которые предпочитают пользоваться собственными мозгами, не ориентируясь на блеск материальной выгоды; и именно им адресована эта книга. Но если они в меньшинстве, как же может воцариться истина? Ответ (дающий определенный повод для надежды) заключается в том, что людей, заинтересованных идеями и готовых обдумывать их и высказывать, невзирая на личные неудобства, всегда было мало; и если бы знание не могло развиться без большинства, отстаивающего истину, тогда прогресса не было бы вовсе, поскольку попасть под свет софитов да и заработать денег путем шарлатанства, доктринерства, низкопоклонства, а также убаюкивающих или, наоборот, зажигательных речей всегда было проще, чем за счет логического и бесстрашного мышления. Нет, причина, по которой разум человека сумел в прошлом сделать некоторые шаги вперед и, возможно, еще сможет сделать их в будущем, в том, что истинные прозрения накапливаются постепенно, сохраняя свою ценность независимо от того, что случилось с первооткрывателями; тогда как модные поветрия и сенсации, может, и приносят прямую прибыль своим импресарио, однако в долгосрочной перспективе никуда привести не могут — они лишь гасят друг друга и уходят в небытие, как только их агенты сходят со сцены (или теряют власть) и более не могут руководить шоу. Так или иначе, не будем отчаиваться.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru